

Источник: Монолог «Быть или не быть» в русских переводах XIX – XX вв. // Шекспир У. «Гамлет» в русских переводах XIX – XX вв. М.: «Интербук», 1994. С. 652-665.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

„Гамлет“
в русских переводах
XIX-XX веков

МОСКВА
«ИНТЕРБУК»
1994

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Русскому читателю памятно, как Гамлет объясняет свою трагедию — распавшейся связью времен. Памятно, несмотря на то, что по-английски у Шекспира стоит метафора, которую правильнее было бы передать "век вывихнут" или "время вышло из пазов". И все же русский Гамлет продолжает говорить о распавшейся связи времен, хотя тот старый перевод А. Кроне-берга (1848 г.) давно не ставится на сцене, не включается в основные издания Шекспира. Фраза вошла в язык.

Каждый перевод классического произведения — его новая интерпретация. Процесс это бесконечный, ибо не может быть прочтения, годного на все времена. Полностью "Гамлет" переведен на русский язык более двадцати раз, в том числе несколько раз прозой в стремлении к максимальной точности. Однако нельзя быть точным вне поэзии. Лучше всего, если поэт и филолог сойдутся в одном лице. На рубеже нашего века появилось трехтомное издание трагедии — с текстом оригинала, комментарием, многочисленными материалами. Это был первый русский перевод, выполненный известным поэтом, великим князем Константином Романовым, подписывавшимся инициалами *К.Р.*

Спустя тридцать лет, почти одновременно, А. Радлова, Б. Пастернак и М. Лозинский делают три новые попытки соединить точность перевода с современной поэзией. Современностью интонации и лексики более всего поразил тогда перевод Анны Радловой; однажды изданный, он более не публиковался.

По другому пути — высокой риторики — пошел Михаил Лозинский:

Быть или не быть — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством?

У Бориса Пастернака вместо "пращей и стрел" — "удары и щелчки обидчицы судьбы". Другое словесное оформление, но еще важнее — другой ритм речи, а ритм, по признанию Пастернака, в "Гамлете" — "явственнее всего".

В настоящем издании — четыре полных перевода, представляющие три эпохи русского "Гамлета". Перевод М. Лозинского даётся в приложении (среди избранных монологов в разных переводах) исключительно по соображениям объема и как наиболее известный современному читателю.

И. Шайтанов

ISBN 5-7664-0126-4

ББК 83.3(0)

© Составление И.О. Шайтанова, 1994.

Монологи
„Быть или не быть“

в русских переводах
XIX-XX веков

Hamlet's soliloquy

*To be, or not to be, that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles
And by opposing, end them. To die, to sleep –
No more, and by a sleep to say we end
The heart-ache, and the thousand natural shocks
That flesh is heir to; 'tis a consummation
Devoutly to be wished. To die, to sleep –
To sleep! perchance to dream! ay, there's the rub,
For in that sleep of death what dreams may come,
When we have shuffled off this mortal coil,
Must give us pause – there's the respect
That makes calamity of so long life:
For who would bear the whips and scorns of lime,
The oppressor's wrong, the proud man's contumely,
The pangs of disprized love, the law's delay,
The insolence of office, and the spurns
'That patient merit of the unworthy takes,
When he himself might his quietus make
With a bare bodkin? Who would fardels bear,
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,
The undiscovered country, from whose bourn
No traveller returns, puzzles the will,
And makes us rather bear those ills we have,
Than fly to others that we know not of?
Thus conscience does make cowards of us all,
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought
And enterprises of great pitch and moment
With this regard their currents turn awry,
And lose the name of action. . . Soft you now!
The fair Ophelia? Nymph, in thy orisons
Be all my sins remembered.*

 М. Вронченко

Быть иль не быть - таков вопрос; что лучше,
Что благородней для души: сносить ли
Удары стрел враждующей фортуны,
Или восстать противу моря бедствий
И их окончить. Умереть – уснуть –
Не боле, сном всегдашним прекратить
Все скорби сердца, тысячи мучений,
Наследье праха - вот конец, достойный
Желаний жарких. Умереть – уснуть.
Уснуть. Но сновиденья... Вот препона:
Какие будут в смертном сне мечты,
Когда мятежную мы свергнем брэнность,
О том помыслить должно. Вот источник
Столь долгой жизни бедствий и печалей.
И кто б снес бич и поношенье света,
Обиды гордых, притесненье сильных,
Законов слабость, знатных своевольство,
Осмеянной любви муки, злое
Презренных душ презрение к заслугам,
Когда кинжала лишь один удар -
И он свободен. Кто в ярме ходил бы,
Стенал под игом жизни и томился,
Когда бы страх грядущего по смерти
Неведомой страны, из коей нет
Сюда возврата, – не тревожил воли,
Не заставлял скорей сносить зло жизни,
Чем убежать от ней к бедам безвестным.
Так робкими творит всегда нас совесть,
Так яркий в нас решимости румянец
Под тению пускает размышленья,
И замыслов отважные порывы,
От сей препоны уклоняя бег свой,
Имен деяний не стяжают. Ах,
Офелия. О нимфа, помяни
Грехи мои в своей молитве.

Быть или не быть – вот он, вопрос. Должна ли
Великая душа сносить удары рока
Или, вооружаясь против потока бедствий,
Вступить с ним в бой и положить конец
Страданью...
Умереть – заснуть... и только.
И этим сном покончить навсегда
С страданиями души и с тысячью болезней,
Природой привитых к немощной плоти нашей...
Конец прекрасный и вполне достойный
Желаний жарких...
Умереть – заснуть...
Заснуть... быть может, видеть сны... какие?
Да, вот помеха... Разве можно знать,
Какие сны нам возмутят сон смертный...
Тут есть о чем подумать.
Эта мысль
И делает столь долгой жизнь несчастных.
И кто бы в самом деле захотел
Сносить со стоном иго тяжелой жизни,
Когда б не страх того, что будет там, за гробом.
Кто б захотел сносить судьбы все бичеванья
И все обиды света, поруганье
Тирана, оскорбленья гордеца,
Отверженной любви безмолвное страданье,
Законов медленность и дерзость наглеца,
Который облечен судьбой всемогущей властью,
Презрение невежд к познаниям и уму,
Когда довольно острого кинжала,
Чтоб успокоиться навек... Кто б захотел
Нести спокойно груз несчастной жизни,
Когда б не страх чего-то после смерти,
Неведомой страны, откуда ни один
Еще доселе путник не вернулся...
Вот что колеблет и смущает волю,
Что заставляет нас скорей сносить страданья,
Чем убежать к иным, неведомым бедам,
Да, малодушными нас делает сомненье...
Так бледный свой оттенок размышленья

Кладет на яркий цвет уж твердого решенья,
И мысли лишь одной достаточно, чтоб вдруг
Остановить важнейших дел течение.
О если б... Ах, Офелия... О Ангел,
В своей молитве чистой помяни
Мои грехи.

 Н. Кетчер

Быть или не быть. Вопрос в том, что благородней: сносить ли пращи и стрелы злобствующей судьбины или восстать против моря бедствий и, сопротивляясь, покончить их. Умереть – заснуть, не больше, и, зная, что сном этим мы кончаем все скорби, тысячи естественных, унаследованных телом противностей, – конец желаннейший. Умереть— заснуть, заснуть, но, может быть, и сны видеть – вот препона; какие могут быть сновиденья в этом смертном сне, за тем как стряхнем с себя земные тревоги, вот что останавливает нас. Вот что делает бедствия так долговечными; иначе кто же стал бы сносить бичевание, издевки современности, гнев властолюбцев, обиды горделивых, муки любви отвергнутой, законов бездействие, судов своеволие, ляганье, которым терпеливое достоинство угощается недостойными, когда сам одним ударом кинжала может от всего этого избавиться. Кто, кряхтя и потея, нес бы бремя тягостной жизни, если бы страх чего по смерти, безвестная страна, из-за пределов которой не возвращался еще ни один из странников, не смущали воли, не заставляли скорей сносить удручающие нас бедствия, чем бежать к другим, неведомым. Так всех нас совесть делает трусами; так блекнет естественный румянец решимости от тусклого напора размышленья, и замыслы великой важности сворачиваются с пути, утрачивают название деяний. – А, Офелия. О нимфа, помяни меня в своих молитвах.

Быть или не быть, – вопрос весь в том:
Что благороднее. Переносить ли
Нам стрелы и удары злополучья –
Или восстать против пучины бедствий
И с ними, в час борьбы, покончить разом.
Ведь умереть – уснуть, никак не больше;
Уснуть в сознании, что настал конец
Стенаньям сердца, сотням тысяч зол,
Наследованных телом. Как, в душе,
Не пожелать такого окончанья?
Да. Умереть – уснуть. Но ведь уснуть,
Быть может, грезить. Вот, и вечно то же
Тут затрудненье: в этой смертной спячке,
Как с нас спадет ярмо земных сует,
Какого рода сны нам сниться могут.
Вот отчего мы медлим, вот причина,
Что наши бедствия столь долговечны.
И кто бы согласился здесь терпеть
Насилье грубое, издевки века,
Неправды деспотов, презренье гордых,
Тоску отвергнутой любви, законов
Бездействие, судов самоуправство
И скромного достоинства награду –
Ляганье подлецов, когда возможно
Купить себе покой одним ударом.
И кто бы захотел здесь ношу жизни,
Потеть и кряхтя, таскать по свету,
Когда б не страх чего-то после смерти,
Страх стороны неведомой, откуда
Из странников никто не возвращался,
Не связывал нам волю, заставляя
Охотнее страдать от злочлужений
Уже известных нам, чем устремляться
Навстречу тем, которых мы не знаем.
Так совесть превращает нас в трусишек,
Решимости естественный румянец,
При бледнолицом размышленьи, блекнет;
Стремления высокого значенья,

При встрече с ним, сбиваются с дороги,
И мысли не становятся делами,—
А, это вы, Офелия. О нимфа.
Вспомяни грехи мои в молитвах.

 А. Соколовский

Жить иль не жить – вот в чем вопрос.
Честнее ль
Безропотно сносить удары стрел
Враждебной нам судьбы, иль кончить разом
С безбрежным морем горестей и бед,
Восстав на все. Окончить жизнь – уснуть,
Не более,— когда при этом вспомнить,
Что с этим сном навеки отлетят
И сердца боль, и горькие обиды –
Наследье нашей плоти,— то не вправе ль
Мы все желать подобного конца.
Окончить жизнь – уснуть... уснуть, а если
При этом видеть сны... Вот остановка.
Какого рода сны тревожить будут
Нас в смертном сне, когда мы совлечем
С себя покрывало плоти. Вот что может
Связать решимость в нас, заставляя вечно
Терпеть и зло, и бедственную жизнь...
Кто стал бы, в самом деле, выносить
Безропотно обиды, притеснения,
Ряд горьких мук обманутой любви,
Стыд бедности, неправду власти, чванство
И гордость знатных родом – словом, все,
Что суждено достоинству терпеть
От низости,— когда бы каждый мог
Найти покой при помощи удара

Короткого ножа. Кто стал влачить бы
В поту лица томительную жизнь,
Когда бы страх пред тою непонятной,
Неведомой страной, откуда нет
И не было возврата, не держал
В оковах нашей воли и не делал
Того, что мы скорей сносить готовы
Позор и зло, в которых родились,
Чем ринуться в погоню за безвестным...
Всех трусами нас сделала боязнь.
Решимости роскошный цвет бледнеет
Под гнетом размышленья. Наши все
Прекраснейшие замыслы, встречаясь
С ужасной этой мыслью, отступают,
Теряя имя дел.– Но тише, вот
Офелия. О нимфа, помяни
Меня, прошу, в святых своих молитвах.

 А. Месковский

Жизнь или смерть, вот дело в чем:
Достойней ли претерпевать
Мятежного удары рока
Иль отразить их и покончить
Со всею бездною терзаний.
Ведь смерть есть только сон – не боле,
И если знать, что с этим сном
Придет конец врожденным мукам,
Как не стремиться нам к нему,
Покончить с жизнью... и заснуть...
Заснуть и сны, быть может, видеть,
Вот преткновенье... Сны какие
Нас в вечном сне тревожить будут,

Когда с себя мы свергнем это
Ярмо житейской суеты.
Да, вот что понуждает нас
Терпеть до старости невзгоды.
Иначе кто переносить
Решился бы все то, что стало
Посмешищем, бичом веков:
Тиранов дерзкий произвол,
Людей заносчивых нахальство,
Отвергнутой любви мученья,
Судилищ наших проволочки,
Надменность властью облеченных,
Пренебрежение к заслугам,—
Когда один укол иглы
Нас в состоянье успокоить.
Кто помирился бы иначе
Со всеми тягостями жизни —
Лишь страх пред чем-то после смерти
Пред той неведомой страной,
Отколь никто не возвращался,
Смущает нас, и мы скорее
Из двух зол выбираем то,
Что нам известно. Совесть наша
Быть трусами нас побуждает,
Под гнетом мысли блекнет смелость,
И замыслы с огнем и силой,
Неволью сбившись с колеи,
Делами названы не будут.

(Замечает Офелию.)

Прелестная Офелия, тише...
Ах, нимфа, помяни мои
В своих молитвах прегрешенья...

Быть иль не быть – вот в чем вопрос.
Что благороднее: сносить удары
Неистойвой судьбы – иль против моря
Невзгод вооружиться, в бой вступить
И все покончить разом... Умереть...
Уснуть – не больше, – и сознать – что сном
Мы заглушим все эти муки сердца,
Которые в наследье бедной плоти
Достались: о, да это столь желанный
Конец... Да, умереть – уснуть... Уснуть.
Жить в мире грез, быть может, вот преграда.–
Какие грезы в этом мертвом сне
Пред духом бестелесным реять будут...
Вот в чем препятствие – и вот причина,
Что скорби долговечны на земле...
А то кому снести бы поношенье,
Насмешки ближних, дерзкие обиды
Тиранов, наглость пошлых гордецов,
Мучения отвергнутой любви,
Медлительность законов, своеволие
Властей... пинки, которые дают
Страдальцам заслуженным негодяи,–
Когда бы можно было вековечный
Покой и мир найти – одним ударом
Простого шила. Кто бы на земле
Нес этот жизни груз, изнемогая
Под тяжким гнетом,– если б страх невольный
Чего-то после смерти, та страна
Безвестная, откуда никогда
Никто не возвращался, не смущали
Решенья нашего... О, мы скорее
Перенесем все скорби тех мучений,
Что возле нас, чем, бросив все, навстречу
Пойдем другим, неведомым бедам...
И эта мысль нас в трусов обращает...
Могучая решимость остывает
При размышленье, и деянья наши
Становятся ничтожеством... Но тише, тише.
Прелестная Офелия, о нимфа –
В своих святых молитвах помяни
Мои грехи...

Жить или не жить – вот в чем вопрос. Что честнее, что благороднее: сносить ли злобные удары обидчицы-судьбы или вооружиться против моря бед, восстать против них и тем покончить с ними... Умереть – уснуть – и только... Между тем, таким сном мы можем положить конец и болям сердца, и тысячам мучительных недугов, составляющих наследие нашей плоти, – такой конец, к которому невольно порывается душа... Умереть, уснуть. Быть может, видеть сны. – Вот в чем затруднение. Ибо какие же сны могут нам грезиться во время этого мертвого сна, когда мы уже сбросили с себя все земные тревоги? Тут есть перед чем остановиться, над чем задуматься. Из-за такого вопроса мы обрекаем себя на долгие-долгие годы земного существования... Кто, в самом деле, захотел бы переносить бичевания и презрение времени, гнет притеснителей, оскорбления гордецов, страдания отвергнутой любви, медленность в исполнении законов, наглость власти и все пинки, получаемые терпеливым достоинством от недостойных, когда он сам мог бы избавиться от всего этого одним ударом короткого кинжала. Кто согласился бы добровольно нести такое бремя, стонать и обливаться потом под невыносимую тяжестью жизни, если бы боязнь чего-то после смерти, страх перед неизвестною страной, из которой не возвращался ни один путник, не смущали нашей воли, заставляя нас покорно переносить испытанные уже боли и в трепете останавливаться перед неведомым... Итак, совесть превращает всех нас в трусов. Так природный румянец решимости сменяется бледным отливом размышления; так размышление останавливает на полпути исполнение смелых и могучих начинаний, и они теряют название «действия»... Но тише. Вот хорошенькая Офелия. О нимфа, в своих святых молитвах помяни и меня, и все мои грехи.

Жизнь или смерть – таков вопрос;
Что благородней для души: сносить ли
И пращу, и стрелу судьбы свирепой,
Иль, встав с оружием против моря зол,
Борьбой покончить с ними. Умереть –
Уснуть, – не больше. И подумать только,
Что сном окончатся и скорби сердца,
И тысячи страданий прирожденных,
Наследье плоти... Вот исход, достойный
Благоговейного желанья... Умереть –
Уснуть... Уснуть... Быть может, видеть сны...
Вот в чем препятствие. Что мы, избавясь
От этих преходящих бед, увидим
В том мертвом сне, – не может не заставить
Остановиться нас. По этой-то причине
Мы терпим бедствие столь долгой жизни, –
Кто снес бы бичеванье и насмешки
Людской толпы, презренье к бедняку,
Неправду притеснителя, томленье
Отверженной любви, бессилье права,
Нахальство власть имущих и пинки,
Что терпеливая заслуга сносит
От недостойного, – когда он может
Покончить с жизнью счеты
Простым стилетом. Кто бы стал таскать
Все эти ноши, и потеть, и охать
Под тягостною жизнью, если б страх
Чего-то после смерти, той страны
Неведомой, из-за границ которой
Не возвращаются, – не путал воли,
Уча, что лучше нам сносить земные беды,
Чем броситься к другим, нам неизвестным.
Так в трусов превращает нас сознание;
Так и решимости природный цвет
От бледного оттенка мысли тускнет.
И оттого-то также предприятия,
Великие по силе и значенью,
Сбиваясь в сторону в своем теченье,

Не переходят в дело.– Успокойся...
Прекрасная Офелия... О нимфа,
В своих святых молитвах помяни
Мои грехи.

 Н. Россов

Быть или не быть? Вот в чем вопрос. Что глубже:
Сносить безропотно удары стрел
Безжалостной судьбы или стать лицом
Пред морем бедствий и окончить их
Борьбою? Умереть – уснуть, не больше,
И знать, что с этим сном исчезнут все
Волненья сердца, тысячи страданий –
Наследье праха. О, такой конец
Желанный! Умереть – уснуть. Уснуть?
А сновиденья? Вот она – преграда:
Какие грезы скрыты в смертном сне,
Когда освободимся мы от плоти?
Вот почему так долговечно горе.
Иначе кто б переносил насмешки
И кровожадность века, гнет тиранов,
Высокомерье гордецов, тоску
Отвергнутой любви, судей бесстыдство,
Законов медленность, презренье тли
К заслуге скромной, ежели один
Удар кинжала успокоить может?
Кто б, обливаясь потом и стеною,
Бродил под бременем земных невзгод,
Когда б не страх чего-то после смерти,
Перед таинственной страной, откуда
Не возвращался ни единый путник?
Вот отчего слабеет наша воля
И заставляет нас скорей терпеть
Зло жизни, чем бежать к безвестным бедам.

Так всех нас трусостью объемлет совесть,
Так вянет в нас решимости румянец,
Сменяясь бледным цветом размышленья,
И замыслов великих начертанья
Чрез то не облакаются в деянья.
Прелестная Офелия! О нимфа,
Меня в своих молитвах не забудь.

 М. Морозов

Быть или не быть, вот в чем вопрос. Благороднее ли молча терпеть пращи и стрелы яростной судьбы, или поднять оружие против моря бедствий и в борьбе покончить с ними? Умереть – уснуть – не более того. И подумать только, что этим сном закончится боль сердца и тысяча жизненных ударов, являющихся уделом плоти, – ведь это конец, которого можно от всей души пожелать! Умереть. Уснуть. Уснуть, может быть, видеть сны; да, вот в чем препятствие. Ибо в этом смертном сне какие нам могут присниться сны, когда мы сбросим мертвый узел суеты земной? Мысль об этом заставляет нас остановиться. Вот причина, которая вынуждает нас переносить бедствия столь долгой жизни, несправедливости угнетателя, презрение гордеца, боль отвергнутой любви, проволочку в судах, наглость чиновников и удары, которые терпеливое достоинство получает от недостойных, если бы можно было самому произвести расчет простым кинжалом? Кто бы стал тащить на себе бремя, кряхтя и потея под тяжестью изнурительной жизни, если бы не страх чего-то после смерти – неоткрытая страна, из пределов которой не возвращается ни один путешественник, не смущал бы нашу волю и не заставлял бы скорее соглашаться переносить те бедствия, которые мы испытываем, чем спешить к другим, о которых мы ничего не знаем? Так сознание делает нас всех трусами; и так врожденный цвет решимости покрывается болезненно-бледным оттенком мысли, и предприятия большого размаха и значительности в силу этого поворачивают в сторону свое течение и теряют имя действия. Но тише! Прекрасная Офелия! Нимфа, в твоих молитвах да будут помянуты все мои грехи!

Быть или не быть, – таков вопрос;
Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть, –
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, – как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. – Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум,
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумленья века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей неправду,
Заносчивость властей и оскорбленья,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти, –
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, – волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? – В твоих молитвах, нимфа,
Да вспомнятся мои грехи.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

"Гамлет"
в русских переводах XIX - XX вв.

Редактор *Т. Песоцкая*
Художник *И. Беляева*
Технический редактор *Н. Александрова*
Корректор *В. Антонова*

Сдано в набор 19.06.93. Подписано в печать 14.01.94. Формат 84X 108/32.
Бумага тип. Гарнитура «Тайме». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0.
Уч.-изд. л. 19,58. Тираж 50000 экз. Заказ № 677.

Московский филиал № 17 «Интербук». 1

19048, Москва, Усачева, 24

Отпечатано с готовых диапозитивов

Рыбинский Дом печати
Министерства печати и информации Российской Федерации
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8